

ОТЧЕТЛИВО помню первое впечатление от знакомства в начале 1980-х годов со стихами жившего тогда в деревне на Каргопольщине, работавшего печником и время от времени печатавшегося в районной газете молодого поэта Александра Роскова: острое ощущение чуда. Почему? Как? Откуда? Кто может объяснить чудо рождения в самой что ни на есть лесной глухомани ребенка, столь щедро наделенного поэтическим даром? Воистину неисповедимы пути Господни. И так радостно сознавать, что, несмотря на все исторические катаклизмы и социальные потрясения, несмотря на все тяготы и страдания, на которые так щедро оказалась жизнь русских людей и в прошлом, и в начавшемся веке во всех концах нашей, все еще необъятной, России, рождались (и, дай Бог, рождаются и сегодня) на свет младенцы, отмеченные особым даром, - словно сквозь асфальт и бетон, сквозь бурьян и дуреломную чащу на месте бывших полей, сквозь истерзаный и загаженный цивилизацией покров матери-земли пробиваются чистые родники поэзии как свидетельство неистребимой талантливости нашего народа...

В веке нынешнем Александр Росков стал одним из самых известных среди живших в Архангельской области авторов, издавшим шесть стихотвор-

ных сборников и одну книгу прозы, лауреатом премий имени Николая Рубцова и Федора Абрамова. Его произведения печатались в коллективных сборниках, антологиях и журналах, выходящих не только в нашей стране, но и за рубежом,

Всероссийскую премию имени Федора Абрамова Александр Росков получил за документальную повесть «В ночь с пятницы на понедельник», которая открыла читателю еще одну грань его таланта и стала своеобразным комментарием к его стихотворениям.

Для многих читателей знакомство с творчеством Александра Роскова началось со сборника «Всё, что осталось от лета», вышедшего в 1994 году небольшим для книги поэзии тысячным тиражом. Перечитывая стихотворения этого сборника сегодня, убеждаешься в том, что обаяние их не потускнело со временем. Напротив, как-то по-особому светло и остро воспринимаются их чистота, ясность, родниковость. Естественность ранней лирики Роскова столь органична, словно поэт действительно не сочиняет, не пишет свои стихи, а, по собственному признанию, собирает их, как дары природы: «Я в лес ухожу за стихами, / Я их собираю в лесу, / Пропахшем смолой и грибами...»

Во всех своих стихах Росков строго документален, и если какая-нибудь деталь в них появляется, то это всегда ре-

альная, точная деталь. Однако в силовом поэтическом поле стихотворения факт преобразуется, насыщается образно-метафорическим смыслом, «перерастает» себя.

*Домов в деревне было семь,
Один родник, двенадцать ёлок...*

Часто ранние стихотворения Роскова представляют собой зарисовки, своего рода этюды, напоминающие неброские акварели северных художников.

Второй сборник Александра Роскова - «Опознавательные знаки», куда вошли стихотворения 1995 - 1999 годов, производит совсем другое впечатление, чем первая книга поэта. Вторая половина девяностых годов - тяжелейшее для России время - стала переломным периодом и в творчестве Роскова. В «Опознавательных знаках» много резких, даже гневных стихотворений, обличающих дорвавшихся до власти «демонократов», тирана, торжествующего победу «над нищей голодной страной», которую захлестнули «сатанинские чары, как волны». Общий настрой этих стихотворений, объединенных в цикл «На башне вечерной», может быть охарактеризован строчками одного из них:

*Страшно в России и люто.
Голодно. Зябко. Темно.*

В ужасе отшатываясь от уродств современной жизни, поэт ищет то, что может противостоять этим уродствам, и находит там, где находили и его предки, - в стенах храма, пусть пока и полуразрушенного, но вновь открытого для паствы.

Оказалось - не «растворился в веках», не умолк навсегда колокольный звон на Руси, вновь созывает звонарь людей в храм. Радостно встречает поэт приметы нового времени, восстановление разорванной связи времён и надежду на возвращение блудных детей - и себя в их числе - к своему Отцу Небесному.

Лирический герой Роскова обретает веру вместе с Россией, и это закономерно. В горе, в скорби чаще всего приходит человек к Богу. И народ - тоже. Когда жизнь русского человека стала почти невыносимой, когда обескровленная страна оказалась на краю гибели, когда грянул гром, мужик перекрестился. Возвращаются «из без-

божной мглы», с запыленными чердаков в передние углы русских изб иконы.

Они темнее стали вдвое...

Но я отметить не боюсь:

то есть пришествие второе

Христа на гибнущую Русь.

Светом духовности проникнуты лучшие стихотворения Роскова девяностых годов, в числе которых и вот это, заслуживающее того, чтобы стать хрестоматийным:

...Житие у реки

в захолустном глухом городке

Есть как раз - ЖИТИЕ,

а не жизнь сумасшедшая наша...

С годами все отчетливее проявлялось, что главные свойства таланта Роскова - умение по-особому увидеть, навсегда запомнить и передать это увиденное и запомненное так, чтобы оно стало достоянием и читателя. Чем старше становился поэт, тем явственнее звучат в его стихах мотивы утраты, прощания, памяти.

...Анатолий Абрамов -

простой деревенский мужик,

патриот своей родины,

ею же битый и мятый,

просто так - ни за что,

защищавший ее рубежи

с автоматом в руках

с сорок первого по сорок пятый,

до Берлина дошедший

еще безбородым юнцом,

положивший начало

«холодной войне» (но не миру),

в грудь и в правую щеку

отмеченный вражьи свинцом,

сорок лет отпахавший

в деревне своей бригадиром...

Эти стихи Валерий Николаевич Ганичев, председатель Союза писателей России, на писательском съезде в Москве назвал в числе высших достижений отечественной поэзии последних лет.

В стихах Роскова последних лет XX века и первых лет века нынешнего доминирующим становится эпическое начало. Он создавал уже не этюды, а настоящие эпические полотна - масштабные, объемные, пространственные. Если большинство стихотворений первого сборника укладываются в три - шесть строф, то поздние произведения поэта порой разрастаются до размеров маленькой поэмы или объединяются в циклы.

В наши дни эпический поэт - явление очень редкое. В отечественной словесности я даже и не вспомню никого, после Твардовского. А Росков - поэт именно эпический (точнее - лиро-эпический), и это объясняет многие особенности его творчества. Те длинноты, частые тематические повторы, прозаизмы, которых так много в его стихах и которые были бы убийственны для лирики, у Александра Роскова вполне естественны и даже неизбежны. Интонации эпического повествования тоже иные, нежели лирического высказывания, и это ощутимо в поздних произведениях поэта: гнев переплавился в скорбь, негодование - в неизбывную грусть, пафос протеста - в горькое ощущение невозможности спасти уходящий уклад деревенской жизни. И все написанные за последние годы стихотворения Роскова складываются в своего рода Книгу памяти, в которой бережно собраны все свидетельства исчезающей жизни.

Но родина моя больна, больна...

Ей ни весна, ни лето не помогут...

Но само творчество Александра Роскова, как вообще всякое созидание, - это способ противостоять забвению, распаду и гибели.

Начало нового века ознаменовано рождением в творчестве Александра Роскова нового жанра - «монастырских», «паломнических» циклов. Монастыри (а чаще - их руины), возвращенные в конце XX столетия церкви, постепенно восстанавливались, возобновляли монашескую жизнь, вновь становились тем, чем и были на протяжении многих столетий, - светочами веры, и к этому свету потянулось взыскующее сердце. Первым - в 2000 году - появился цикл, посвященный Артемиево-Веркольской обители и давший впоследствии название вышедшему в июне 2009 года сборнику - «А мне - далёкий монастырь», а в 2008 - «Дивеево» и «Стихи из дальней обители» (о паломничестве в Псково-Печерский монастырь). Кроме больших циклов в последние годы Александром Росковым создано немало отдельных стихотворений, отразивших впечатление о других древних обителях, - Новоафонском монастыре на берегу Чёрного моря, московских

Донском, Покровском, Новодевичьем, знаменитом Святогорском - месте упокоения Пушкина. В этих «паломнических» циклах и стихотворениях поэт нашёл очень точный и, я бы сказала, целомудренный ракурс: он почти не говорит о своём духовном состоянии, но очень подробно, до малейших деталей, описывает всё увиденное им, все обстоятельства, события, произошедшие во время поездки. Поэт словно не в силах до конца поверить, что это действительно стало возможным - побывать в обителях, о которых столько слышал, читал и которые ещё каких-то двадцать лет назад казались ему, как и большинству современников, навсегда оставшимися в безвозвратно ушедшем прошлом. И он скрупулёзно, бережно, благоговейно запечатлевает и канавку Пресвятой Богородицы в Дивеево, и источник преподобного Серафима Саровского, и раку с его святыми мощами, и монастырские долгие службы, и крестный ход на поля Псково-Печерской обители, и знаменитые пещеры, и общую трапезу... Тщательность и подробность описаний позволяет читателю тоже ощутить себя паломником, пройти вместе с автором - шаг за шагом - эти ведущие к храму и к Богу дороги. Точнее, паломничество становится для поэта, а с его помощью, хочется надеяться, и для читателя, путём к Богу, к России и к себе. Это возвращение в прошлое России, обращение к Святой Руси, а порой и ещё глубже, к самым истокам христианства - одновременно и взгляд в будущее, взгляд с надеждой: «И лежит перед нами Россия - / та, которую мы обретём», - написал Александр Росков ещё в первом из своих «монастырских» циклов. А когда читаешь стихотворения, вышедшие из-под его пера в последние годы, убеждаешься: истинную Россию, Русь Святую, хранящую веру православную, поэт обрёл - в своей душе и в пробуждающихся от летаргического забвения душах соотечественников.

Елена Галимова,
доктор филологических наук,
профессор Северного Арктического
федерального университета (САФУ)
г. Архангельск